

Нѣчто о „научной философії“ и о научномъ философѣ.

Съ январьскаго номера 1888 г. „Русской Мысли“ начался, по видимому, рядъ статей г. В. В. Лесевича, подъ заглавиемъ: „Что такое научная философія“, побудившихъ меня къ настоящей статьѣ.

Побужденіе это двояко: съ одной стороны я хочу защитить характеръ своей ученой литературной дѣятельности отъ умыщленнаго извращенія ея г. Лесевичемъ, съ другой я хочу оградить философию отъ произвольной и фальшивой характеристики ея школъ, направлений и дѣятелей¹⁾.

Статья г. Лесевича начинается нападеніемъ на разныхъ лицъ, а именно: на гг. Владимира Соловьевъ, Милославскаго, Страхова, Лопатина, де-Роберти, Грота, Вырубова и на нижеподписавшагося

1) Съ мартовской книжки „Русской Мысли“ и по Іюнь рядъ статей Г. Лесевича, не известно почему, перервался. Не смотря на то, что статья Г. Лесевича еще не кончена (по моему, ему остается еще выпустить своего козырного туза, нѣмецкаго философа—Лааса), я все таки рѣшаюсь говорить о ней, потому что для моей цѣли достаточно и того, что напечатано. Въ настоящей замѣткѣ я имѣю въ виду вовсе не критику тѣхъ безсвязныхъ отрывковъ изъ разныхъ писателей, которые приводитъ Г. Лесевичъ, но общую характеристику тона, манеры и направленія, въ которыхъ онъ относится къ существующимъ философскимъ школамъ.

автора этой статьи. Я не считаю себя призваннымъ и уполномоченнымъ защищать эти лица и думаю, что они, если захотятъ, могутъ это сдѣлать гораздо лучше меня сами, но я считаю нужнымъ показать читателямъ *общий характеръ* отношений и нападений г. Лесевича на лицъ, принадлежащихъ, по его мнѣнію, къ другимъ, чѣмъ онъ, направленіямъ. Это отношеніе не есть спокойная учennaя критика, ибо критики нѣтъ вовсе; это не есть даже страстное, хотя бы и переходящее должную мѣру, увлеченіе, которое иногда проявляется въ спорѣ между представителями различныхъ мнѣній въ какомъ либо животрепещущемъ вопросѣ. Нѣтъ! г. Лесевичъ самыемъ высокомѣрнымъ и презрительнымъ тономъ просто *третируетъ* вышеозначенныхъ лицъ и позволяетъ себѣ относительно ихъ такие термины и выраженія, которые возможны были бы развѣ только для общеизвестного великаго ученаго и учителя по отношенію къ позволившимъ себѣ перечить ему дерзкимъ школьникамъ и нерѣждамъ. Такъ, по выражению г. Лесевича, лица эти суть ничто иное, какъ „отсталые и праздноболтающіе о философскихъ матеріяхъ мистики, метафизики и химеросозидатели“, люди, незнающіе „истинной современной и научной философіи“ и „занятые пережевываніемъ старой философской жвачки“, давно уже сданной въ архивъ научною философіею. Въ этой жвачкѣ или, своего рода, „сказкѣ о бѣломъ бычкѣ“ г. Лесевичъ видѣть продукты „прославленной Маудсли *психелепсіи* или болѣзненное состояніе, которое названо Ломброзо *мизонеизмомъ*, такъ что окончательное решеніе объ этихъ продуктахъ придется“, по мнѣнію научнаго философа, „произнести психіатрамъ“ (См. Русская Мысль, Январь 1888 г. стр. 1—10).

Кромѣ этихъ, относящихся ко всѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ характеристикѣ, г. Лесевичъ присоединяетъ таковыя же, относящіяся къ каждому порознь, постоянно упражняясь при этомъ въ особаго рода остроуміи, котораго я и приведу нѣсколько образчиковъ.

Выписывая слѣдующую фразу изъ книги одного изъ назван-

ныхъ лицъ: „абсолютное предстоитъ философу такъ же, какъ не-
редь физикомъ предносится идеалъ субстрата всѣхъ физическихъ
явлений, познаніе котораго было бы равносильно познанію всѣхъ
физическихъ явлений“, г. Лесевичъ съ остроуміемъ, которое было
кновенно приводить въ восторгъ отечественныхъ *передовыхъ под-
ростковъ* лѣтъ въ 17, прибавляетъ отъ себя: „не оставляяясь
надъ вопросомъ, идетъ ли тутъ дѣло о глупомъ физикѣ или иро-
на просто метафизикѣ, мы и такъ можемъ судить, какъ нельзя
лучше, о томъ униженіи, до котораго низвелъ авторъ идею науч-
ной философіи. Едва ли униженіе это не превосходитъ то, которое
претерпѣваетъ чистая богиня въ одномъ изъ разсказовъ Лукмана“
(стр. 5). Про другое лицо г. Лесевичъ съ тѣмъ же остроуміемъ
говоритъ, что будто оно „воображаетъ, какъ пѣтухъ въ баснѣ, что
солнце восходитъ лишь изъ за страстнаго желанія слушать его пѣ-
ніе“. Надъ третьимъ иронизируетъ такимъ образомъ: „можемъ ли мы
умолчать о несравненномъ проектѣ *новаго зданія*, въ *новомъ стилѣ*
и съ *новыми архитектурными приемами* въ *придачу*, — проектѣ, вы-
шедшемъ изъ подъ пера самого *консеквентнаго* и самого *перспи-
каснало* изъ всѣхъ написанныхъ *филозофовъ*“) и Т. д. (стр. 7). А вотъ
и еще блестка ироническаго остроумія: „И такъ“, говоритъ г. Ле-
севичъ, объ одномъ изъ тѣхъ же лицъ, „принципъ химеросозида-
нія найденъ, и всякому теперь ничего не стоитъ пользоваться имъ.
Зачѣмъ легкомысленно отвергать — ну, хоть наивное вѣрованіе; на-
примѣръ, что міръ на трехъ китахъ держится? Надо благополучно
воротиться къ нему, какъ исходной точкѣ нашего мышленія, надо
опять сѣсть у ногъ старой пяныки и благоговѣйно выслушать ея
простодушное повѣствованіе, запечатлѣвай его въ умѣ и сердцѣ,
какъ увѣнчаніе зданія нашего умственнаго развитія“, и т. д. (стр. 8).

Такими и множествомъ другихъ подобныхъ имъ выходокъ на-
полнена у г. Лесевича специально и сплошь вся первая глава его

Выраженіе: „филозофъ“, принадлежитъ самому Т. Лесевичу и
составляетъ не опечатку, а блестку остроумія.

статьи, а отчасти и другія, всего добрая третъя двухъ статей о „научной философії“. Читаешь и съ удивленіемъ спрашивашъ себѧ, да на чёмъ же основываетъ г. Лесевичъ такое безцеремонное и высокомѣрное отношеніе къ названнмъ лицамъ, и иногда невольно, по его примѣру, думаешь, что не одержимъ ли самъ научный философъ особаго рода маніей научнаго величія, можетъ быть, и не „прослѣженной Маудсли“.

Теперь я обращаюсь къ собственной защитѣ и, признаюсь, дѣлаю это не охотно и только по крайней необходимости. Если все, думаю я, будуть оставлять безъ отпора и протеста нарушенія приличія и справедливости въ борбѣ мнѣній, ведущейся путемъ печати, то русская литература, съ каждымъ днемъ, все спускающаяся ниже и ниже въ серьезности, совсѣмъ одичаетъ. Лично мнѣ г. Лесевичъ посвящаетъ ровно 18 строкъ (стр. 6 и 7), которыя, конечно, заняты не критикой или опроверженіемъ какихъ нибудь моихъ воззрѣній, а отчасти упражненіемъ въ остроуміи, о которомъ говорится выше, отчасти *инсинуациєю*, въ которой г. Лесевичъ хочетъ бросить неблаговидную тѣнь на мою учено-литературную дѣятельность. Остроуміемъ я безпрепятственно предоставляю тѣшиться г. Лесевичу, но не могу оставить безъ разоблаченія инсинуацію, которая заключается въ слѣдующемъ. Г. Лесевичъ говоритъ, что въ моихъ „построеніяхъ“, которыя можно назвать своего рода восточными, можно замѣтить нѣчто общее пе то съ испепеляющимъ взоромъ Василиска, не то съ устремленными къ пресъченю мѣрами управы благочинія. Онъ (т. е., я, Козловъ) мѣтить не болѣе, не менѣе какъ на искорененіе всякихъ „измовъ“. И что за благодать снизойдетъ тогда на нашу юдоль! Древо философіи быстро заглушитъ всякую сорную траву (измы), само собою выработаетъ такое чудно-художественное расположение вѣтвей, крону и проч., какихъ никогда не дадутъ патентованные садовники, и, въ концѣ концовъ, отъ своего цвѣта будетъ отдалять цѣлебные ароматы въ окружности радиуса, теряющагося въ неизмѣримой дали пространства и времени“.

Прочти это мѣсто г. Лесевича, всякий незнакомый съ моими „Философскими Этюдами“, на которые дѣлаетъ онъ ссылку, весьма легко можетъ подумать, что мое сочиненіе имѣть въ виду не философию и ея содержаніе, а какое либо участіе и прикосновеніе къ мѣрамъ, которыя полиція принимаетъ въ своей борьбѣ съ нарушилелями государственного или общественнаго порядка. Между тѣмъ какъ на страницѣ XIV-й (а также и XIII-й), показанной у г. Лесевича, я говорю о.... но я предпочитаю лучше сдѣлать точную выписку своихъ словъ.

„Что касается до нась“, говорю я, „то едва ли нужно доказывать читателю, что эта наука (т. е., философиа) находится у нась не только въ застое, но даже хуже того, просто въ загонѣ. Кому не встрѣчались, повидимому, имѣющіе иѣкоторую степень образования подростки, которые считаютъ своею священною обязанностью оскалить зубы и даже заржать при одномъ только произнесеніи слова: философиа? Кто не знаетъ того, что огромное большинство людей, хорошо знакомыхъ съ какой либо специальной наукой, особенно изъ естественныхъ, только презрительно пожимаютъ плечами, когда въ ихъ присутствіи бываетъ упомянуто имя какого либо дѣятеля по философиї. Не тайна также и то, что много людей имѣющихъ, по своему положенію, вѣсъ въ общественной жизни по старой памяти продолжаютъ относиться подозрительно къ философиї, ставя ее на одну доску съ разными зловредными измами“.

Ясно для всякаго, не имѣющаго предвзятаго умысла исказить мою мысль, что въ этихъ словахъ я ничего другого не хочу сказать, какъ то, что для процвѣтанія философиї въ русскомъ обществѣ чрезвычайно неблагопріятно какъ вообще презрительное отношеніе къ ней публики, такъ и специально подозрительное и даже враждебное отношеніе лицъ, пользующихся особыннымъ вліяніемъ, по своему положенію, на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Ясно также и то, что словомъ: *измы*, словомъ, на которомъ, главнымъ образомъ, и разыгрываетъ свою инсинуацію г. Лесевичъ, я въ этомъ мѣстѣ неопределенно обозначаю какія либо ученія, угро-

жающія государству, общественному порядку и т. п. съ которыми, по моему мнѣнію, философія, какъ наука, отнюдь не должна быть смысливаема.

Далѣе я говорю: „А между тѣмъ основное убѣжденіе всякаго вѣрнаго приверженца этой науки заключается въ томъ, что культура философіи въ обществѣ есть самая важная опора противъ всяческихъ измовъ, которые, какъ односторонности, должны быть непремѣнно упразднены философскимъ синтезомъ и должны уточнить въ единомъ міросозерцанії. Единство же міросозерцанія имѣть своимъ практическимъ послѣдствіемъ и своею идеальною послѣднею цѣлью обединеніе индивидуальныхъ влечений и дѣятельностей въ одну общую волю и гармоническую дѣятельность цѣлаго общества, человѣчества и черезъ него, смыю сказать, цѣлаго міра. Но, чтобы философія прошла всѣ процессы своего развитія и роста и чтобы достигла этой послѣдней плодоносной стадіи, для нея необходимы условия, состоящія не столько въ положительномъ уходѣ за нею, сколько въ отрицательномъ устраненіи отъ нея всѣхъ препятствій къ естественному росту. Не столько нужны, напр., специальные садовники для культуры этого чуднаго растенія, сколько доступъ свѣта и воздуха. Всякія попытки подрѣзать древо философіи по какому либо шаблону, образовать извѣстной формы крону, направлять его стволъ и вѣти въ какомъ либо условномъ направленіи, могутъ дать только одинъ тотъ результатъ, что растеніе зачахнетъ на первыхъ шагахъ“ (Фил. Этюды, стр. XIV).

Въ этихъ словахъ, очевидно опять таки для всякаго, я выражаю ту мысль, что интенсивная культура философіи въ обществѣ можетъ со временемъ привести къ единому міросозерцанію и устраниить или ослабить всю рознь и борьбу въ обществѣ, происходящую отъ различія въ понятіяхъ, направленіяхъ и влеченіяхъ. Далѣе я высказываю ту мысль, что для этой культуры философіи самымъ важнымъ условиемъ должна быть ея свобода, что на философію нельзя возлагать какія либо постороннія цѣли, напр., служеніе кон-

сервативнымъ, или либеральнымъ, или радикальнымъ партіямъ, или общественнымъ настроеніямъ и т. под.

Затѣмъ слѣдуютъ слова, отчасти цитируемые и г. Лесевичемъ, а именно: „Но если обеспечены одни только естественные условия для его (т. е., древа философіи) развитія, то оно быстро заглушить всякую сорную траву (измы), само собою выработаетъ такое чудное художественное расположение вѣтвей, крону и пр., какихъ никогда не дадутъ патентованные садовники, и въ концѣ концовъ отъ своего цвѣта будетъ отдѣлять целебные ароматы въ окружности радиуса, теряющагося въ неизмѣримой дали пространства и времени“.

Очевидно, что въ этихъ словахъ я высказываю свою мечту объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ въ будущемъ, къ которымъ могла бы привести интенсивная и свободная культура въ обществѣ философіи, какъ науки. Очевидно также, что подъ словомъ: „сорная трава (измы)“, я разумѣю вообще всяческія заблужденія или мнѣнія, которые нарушаютъ единство и обусловливаютъ общественную разнѣ, и которыхъ, конечно, не будетъ, когда восторжествуетъ истина, которая *только одна*, а потому и единитъ всѣхъ причастныхъ къ ней.

Несомнѣнно, что какъ г. Лесевичъ, такъ и всякий другой могли бы сказать мнѣ, что я заблуждаюсь въ своихъ мечтахъ, что никогда не будетъ торжества единой истины, единаго міросозерцанія и всегда останутся различія мнѣній и настроеній (измы); или можно было бы сказать, что я опибаюсь въ томъ, что единеніе можетъ произойти отъ культуры философіи и что оно зависитъ отъ какихъ нибудь другихъ причинъ, можетъ быть, даже и совсѣмъ неустранимыхъ и т. п. Все это были бы естественные возраженія. Но намекать, какъ дѣлаетъ то г. Лесевичъ, что я будто бы, вместо философіи, предпринимаю какой то походъ противъ того, что преслѣдуется полиціей, это, говорю рѣшительно, не есть честный споръ съ противникомъ въ мнѣніяхъ, а есть *умышленно ложная инсинуація*, не приличествующая ни научному философу, ни просто литературному дѣятелю.

Что цѣль г. Лесевича состоитъ не въ указаніи обличеніи моихъ ложныхъ возврѣній, а только въ инсинаціи, обнаруживается всего лучше изъ того, что онъ дѣлаетъ выписку не изъ какого либо моего сочиненія, ближайшаго къ настоящему времени, что было бы весьма естественно, но изъ сочиненія, написанного 12 лѣтъ тому назадъ (1876 г.), тогда какъ послѣ него вышло не мало моихъ сочиненій, ибо я почти каждый годъ что либо печаталъ и издавалъ. Это же сочиненіе (1-я часть „Философскихъ Этюдовъ“) было выбрано г. Лесевичемъ именно потому, что благодаря словечку: „измы“, употребленному мною непредѣленно и въ разныхъ смыслахъ, а также благодаря не полной выпискѣ всего мѣста, гдѣ это словечко употреблено, Г-ну Лесевичу было удобно инсинуировать, что я предпринимаю вмѣстѣ съ „управою благочинія“ какія то „мѣры, устремленныя къ пресѣченію“.

Теперь обращусь къ произвольной характеристистикѣ, которую дѣлаетъ г. Лесевичъ различнымъ направленіямъ философіи¹⁾). Можно было бы ожидать, что основаніе высокомѣрнаго отношенія его къ лицамъ, какъ и онъ, занимающимся въ Россіи философіею, состоить въ томъ, что онъ или самъ *нашелъ и вскрылъ* что нибудь новое въ философіи, или же *слѣдуетъ* за новыми открытиями и идеями другихъ, или же, наконецъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, *принадлежитъ* къ разумнѣйшему и наиболѣе истинному изъ существовавшихъ прежде направленій въ философіи. Но крайней мѣрѣ, на это, по видимому, бываетъ чуть не на каждой строкѣ употребляемое имъ выражение: „научная философія“, которую онъ какъ бы противово-

¹⁾) Настоящую статью мою я пишу въ предположеніи, что читатели, интересующіеся философскими вопросами, уже ознакомились съ статьей г. Лесевича, напечатанной въ такомъ распространеннѣи журнала, какъ „Русская Мысль“. Поэтому я, по недостатку времени и мѣста, не могу загромоздить мою настоящую статью длинными выписками изъ разбираемой мною статьи г. Лесевича. Тѣхъ же читателей, которые не знакомы съ его статьей, я просилъ бы прочесть ее, ибо въ такомъ случаѣ для нихъ будетъ яснѣе моя статья.

поставляетъ не научной философії „праздноболтающихъ метафизиковъ, мистиковъ и химеросозидателей“. Если бы это было дѣйствительно такъ, то мы прежде всего должны были бы найти у г. Лесевича логическое и обстоятельное изложеніе понятій: *философіи*, далѣе *научной философіи* и, въ противоположность этой послѣдней, понятія *метафизики*, ибо нельзѧ отрицать что либо, не обозначивши ясно, что отрицаешь. Эти понятія могъ бы изложить г. Лесевичъ отъ себя или привести опредѣленія ихъ у ученыхъ философовъ, которыхъ мнѣнія онъ раздѣляетъ. Но отъ себя, кромѣ блестокъ остроумія, съ которыми мы познакомились выше, кромѣ фразъ, въ которыхъ превозносится какая то „научная философія“ и кромѣ глумленія надъ „мистикой и метафизикой“, ничего г. Лесевичъ не приводитъ. Но точно также онъ не даетъ намъ никакихъ систематическихъ опредѣленій и объясненій, которыхъ бы были бы сдѣланы другими, такъ что на *главный вопросъ* всей его статьи: „что такое научная философія“, мы не находимъ сколько нибудь обстоятельного отвѣта. Правда, въ выпискахъ, которая дѣлается г. Лесевичъ изъ разныхъ писателей, поощдаются фразы, указывающія, что нужно разумѣть подъ научной философіей. Такъ, напр., па стр. 14 (Январь) г. Лесевичъ говоритъ (отъ себя), что въ ней заключаются какіе то „междуначные или всеначные принципы“. На стр. 15 —что „философія есть научное познаніе человѣка, какъ существа разумнаго, нравственнаго и общественнаго“, — или тамъ же: что она, какъ наука „о человѣкѣ“, охватываетъ все то, что человѣкъ можетъ знатъ, или совокупность ученій о человѣческомъ познаніи“. Или же на стр. 6-й (Февраль) читаемъ, что „позитивизмъ (въ смыслѣ научной философіи) есть не сводъ ученій, а методъ“. На той же 6-й стр. „психологія, по Селли, изслѣдуется процессъ познаванія съ одной только его субъективной стороны. Что же касается стороны объективной, т. е., вопроса о томъ, на сколько познаніе истинно или состоятельно, то этотъ вопросъ, по мысли Селли, вѣдаетъ уже не психологія, а *философія*, или теорія познанія, которая заключаетъ въ себѣ и логику“.

Конечно, эти отрывочные и попутные указания не только не уясняют намъ, что разумѣеть г. Лесевичъ, опираясь на излюбленныхъ авторовъ, подъ научной философией, ис напротивъ способствуютъ недоразумѣнію и смышенію понятій. Что такое напр. „всенаучные и между-научные принципы“? Едва ли что либо имѣеть большее право на название „всенаучныхъ принциповъ“, какъ законъ противорѣчія и законъ достаточного основанія, обыкновенно рассматриваемые въ логикѣ. Но, спрашивается, рассматривается ли ихъ также научная философія; и если рассматривается, то въ чёмъ ея разсмотрѣніе этихъ законовъ отличается отъ разсмотрѣнія логики? Сообразно выпискѣ изъ Сёлли, „философія или теорія познанія заключаетъ въ себѣ и логику“. Значитъ ли это, что логика есть часть теоріи познанія, подобно тому какъ этимологія есть часть грамматики? Тогда, конечно, нужно опредѣлить, чѣмъ занимается теорія познанія и чѣмъ логика. Если же нужно понимать дѣло такъ, что логика и теорія познанія суть одно и то же, только называемое двумя различными именами, тогда зачѣмъ два имени для одного и того же предмета?? Если же логика и теорія познанія различныя науки, то какъ одна изъ нихъ можетъ заключать другую? Какъ, напр., химія можетъ заключать въ себѣ геологію? Даѣе, какое опредѣленное понятіе можно выжать изъ словъ, что „философія есть научное познаніе человѣка, какъ существа разумнаго, нравственного и общественнаго“. Тутъ могутъ подразумѣваться всевозможныя науки: и логика, и психологія, и этика, и наука о правѣ, и политическая экономія, и соціологія, и даже географія, ибо всѣ онѣ изучаютъ человѣка съ какой либо изъ трехъ названныхъ точекъ зренія. Потомъ, какъ нужно понимать въ выпискѣ изъ Сёлли, что, напримѣръ, „психологія изслѣдуетъ процессъ познаванія съ одной только субъективной стороны, а со стороны объективной т. е., на сколько познаніе истинно или состоятельно, то это вѣдаетъ уже не психологія, а философія или теорія познанія“ Нужно ли это понимать такъ, что психологія только описываетъ, какъ мы познаемъ, что бы ни оказалось въ результатаѣ: истина

или заблужденіе? Но тогда не странно ли будетъ говорить о „процессѣ познаванія“, если результатомъ его можетъ быть ложь, и объ особой наукѣ, психологіи, изучающей таковой процессъ! Точно также ничего определенного не говорятъ слова, что научная философія есть „не сводъ ученій, а методъ“. Методъ чего, методъ приобрѣтенія знаній что ли? Но тутъ опять у научной философіи будетъ столкновеніе съ логикой, которая тоже, вѣдь, занимается методами.

Наконецъ, что можемъ мы извлечь для характеристики научной философіи, когда въ одномъ мѣстѣ, напр. на стр. 2 (Февраль) г. Лесевичъ вмѣстѣ съ Гексли приписываетъ ей „самоотреченіе и резигнацію“, или на стр. 8-й устами того же Гексли считаетъ нужнымъ „бросить въ огонь всякую книгу, заключающую что либо кромѣ опытныхъ изслѣдованій эмпирическихъ фактovъ“, или на стр. 5 и 6 вмѣстѣ съ Лесли Стивеномъ считаетъ для научной философіи недоступнымъ „объясненіе конечныхъ причинъ всѣхъ вещей“ и вообще разъясненіе задачъ, которыми занимались „самые знаменитые мыслители, переходящими за предѣлъ того, что доступно разуму“, между тѣмъ какъ на стр. 7-й отъ себя утверждаетъ, что будто бы при какихъ то „условіяхъ самая высшая умозрѣнія возможны и осуществимы“. Конечно, ничего нельзя извлечь, если мы не знаемъ, въ чёмъ состоять „осуществимыя высшая умозрѣнія“, что разумѣеть т. Лесевичъ съ цитируемыми имъ авторами подъ „конечными причинами“ и т. п. И такъ, изъ случайныхъ и отрывочныхъ фразъ о „научной философіи“ какъ самого г. Лесевича, такъ и цитируемыхъ имъ авторовъ мы никакихъ ясныхъ и твердыхъ заключеній о ея предметѣ и характерѣ сдѣлать не можемъ.

Теперь я попытаюсь получить какое нибудь понятіе о „научной философіи“ другимъ путемъ, а именно: изъ именъ писателей, которыхъ г. Лесевичъ считаетъ ея представителями. Обыкновенно онъ приводитъ эти имена съ особаго рода помпой и церемоніями, какъ будто открывается пѣчто, еще никѣмъ не виданное и не слышанное. Передъ каждымъ именемъ предварительно пускается съ

различными прибаутками нѣсколько стрѣль остроумія въ „мистиковъ, метафизиковъ и химеросозидателей“, потомъ слѣдуетъ хвалебная пѣснь отъ г. Лесевича называемому писателю, въ которой прославляется его передовитость, позитивность, трезвость мысли, познаніе и остроуміе. Потомъ г. Лесевичъ приводить отрывокъ изъ какого нибудь сочиненія восхваляемаго мыслителя, въ которомъ, по мнѣнію г. научнаго философа, обнаруживаются восхваляемыя свойства. Отрывки эти, по ихъ краткости, разнородности затрагиваемыхъ въ нихъ предметовъ и отсутствію связи другъ съ другомъ, ничего не доказываютъ и не устанавливаютъ не только научной, но и никакой опредѣленной философіи. Большею частію эти отрывки заключаютъ неопределѣленныя выходки противъ метафизики вообще и въ особенности противъ „интуитивной метафизики“. Изъ приводимыхъ г. Лесевичемъ писателей мы узнаемъ, что представители научной философіи, по преимуществу, гнѣдаются въ Англіи и что къ нимъ принадлежать: Локкъ, Юмъ, Милль отецъ и сынъ, Бентъ, Лесли Стивенъ, Мэнъ, Гексли, Маудсли, Селли. Въ Германіи, по видимому, г. Лесевичъ считаетъ таковыми писателей, группирующихся около журнала: *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*. О Франціи въ этихъ двухъ номерахъ (Янв. и Февр.) ничего особенного не сказано.

Теперь посмотримъ, что даютъ намъ имена представителей научной философіи, по мнѣнію г. Лесевича? Самая *ромкія* и самая *внушительная* имена принадлежать Локку и Юму. Локкомъ начинается, хотя еще и не твердо устанавливается, особое направлениіе въ философіи, такъ называемое *эмпирическое*. Юму принадлежить самое крайнее развитіе и выраженіе этого направлениія, такъ что Юмъ дѣлается родоначальникомъ цѣлой *философской школы*, которая и до сихъ поръ поддерживаетъ его начала, преимущественно въ Англіи. Вся характеристика этого направлениія зависитъ отъ значенія словъ: *эмпирический*, *эмпирія* или *опытъ*. Собственно говоря, нѣть ни одного направлениія философіи, которое бы не утверждало, что оно *опытное*, т. е., которое не считало бы, что

оно исходить изъ первоначальныхъ, непосредственныхъ фактовъ, изъ которыхъ дѣлаются логические выводы, или необходимыя предположенія, посредствомъ которыхъ могутъ быть объяснены эти факты. Разница только въ объемѣ этого, такъ сказать, *первоначальнаго откровенія*, этихъ первоначальныхъ данныхъ сознанія, и затѣмъ разница въ логической состоятельности выводовъ и гипотезъ. Направленіе, начатое въ Англіи Локкомъ и установленное Юмомъ, чрезвычайно служиваетъ сферу опыта и фактовъ первоначального сознанія, признавая за нею одинъ только чувственный опытъ и сводя все остальное къ нему. Локкъ, какъ известно, поставилъ своимъ девизомъ формулу: *nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu*¹⁾. Но самъ Локкъ не могъ еще выполнить этой формулы, такъ какъ въ очень многомъ остался на почвѣ картезианизма, хотя и началъ свою философію съ борьбы противъ Декарта и его послѣдователей²⁾, выполнена эта задача вполнѣ была Юмомъ и его послѣдователями. Направленіе, данное философіи Локкомъ и Юмомъ и продолжающееся до сихъ поръ преимущественно въ Англіи, называется разными именами: эмпиризмомъ, скептицизмомъ, сенсуализмомъ, феноменизмомъ, позитивизмомъ и не признаетъ никакого другаго опыта, кромѣ чувственныхъ ощущеній и первоначальныхъ чувствъ и совершенно опускаеть изъ виду факты сознанія нами собственной субстанціи и ея актовъ и продуктовъ, а также принциповъ, на основаніи которыхъ она дѣйствуетъ. Разумѣется, соотвѣтственно этой *урьзкѣ опыта, урьзывается и область вывода и предположений, объясняющихъ факты опыта.*

¹⁾ Нѣть ничего въ умѣ, чего прежде не было бы въ чувствѣ.

²⁾ Такъ какъ я здѣсь имѣю въ виду собственно характеристику „научной“ философіи г. Лесевича, а вовсе не Локка или Юма, то позволю себѣ указать моимъ читателямъ на мое сочиненіе: „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта“. Киевъ. 1884 г. Во 2-й главѣ этой книги читатели найдутъ, хотя и по поводу частнаго вопроса о пространствѣ и времени, достаточную общую характеристику и критику философіи Локка и Юма.

Юма нужно считать самымъ радикальнымъ и последовательнымъ представителемъ этого направлениі. Очищая философию отъ метафизики, онъ отрицалъ существование всякихъ субстанцій, какъ духовныхъ, такъ и материальныхъ. Далѣе онъ отрицалъ всякия начала и цѣли, всеобщіе законы и безусловные принципы бытія, отрицалъ также въ немъ и всякую необходимость, напр. причинную; наконецъ отрицалъ какія либо основанія для полной достовѣрности познанія. Однимъ словомъ, Юмъ съ философией поступилъ, какъ крыловскій крестьянинъ, чистившій червонецъ „пескомъ, дресвой и мѣломъ“; червонецъ сталъ чистъ и блестящъ, какъ жаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ прежній вѣсъ и цѣну. Вмѣстѣ съ метафизикой изъ философи, послѣ очистки Юма, исчезла достовѣрность познанія, незыблемые критеріи истины и сама *истина*, а на мѣсто ея стала *вѣроятность*¹⁾). Вмѣстѣ съ метафизикой исчезло изъ философи также *и бытіе*. Для Юма нѣть никакихъ существъ, никакихъ субстанцій, никакого вѣчного и неизмѣнного бытія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, нѣтъ и никакихъ причинъ, ибо истинною причиною можетъ быть только дѣйствующая по своей природѣ субстанція. Точно также для юмовой философи нѣть никакого міра, ибо міръ есть ничто иное, какъ или собраніе взаимодѣйствующихъ субстанцій, связанныхъ другъ съ другомъ одними вѣчными законами, или же совокупность явленій, въ которыхъ выражается дѣятельность одной субстанціи. На мѣсто всего этого въ юмовой философи какіе то мы (кто эти мы?) имѣемъ какія то *явленія* (кто, что и кому является?) связанныя воображеніемъ и привычкою во

1) Вѣроятность имѣеть смыслъ тогда, когда существуетъ достовѣрность, т. е., нѣчто, ведущее въ знаніи къ безусловной вѣрѣ; тогда вѣроятное есть нѣчто, приближающееся къ этой достовѣрности, нѣчто похожее на несомнѣнную истину. Но, на чемъ можетъ стоять вѣроятность и что такое вѣроятность, когда нѣть истины, т. е. возможности для достовѣрности, обѣ этомъ, конечно, нужно спросить у научныхъ философовъ, а я не знаю.

времени, въ пространствѣ и въ причинности (кто и какъ связываетъ явленія во времени, пространствѣ и причинности, которыя, конечно, не существуютъ, а суть *ништо* идеи, да еще псевдо-идеи¹⁾). Далѣе, кто воображаетъ и привыкаетъ? На все это нѣтъ отвѣта! И такъ, ничто, помноженное на ничто, даетъ въ произведеніи какое то неизвѣстное нѣчто.

Что же говорятъ намъ два самыя громкія имена изъ приводимыхъ г. Лесевичемъ? Ничего човаго и особеннаго, ничего не выданнаго и не слыханнаго, никакой *общѣ-признанной и специально научной философіи*. Указываютъ они намъ *на одно изъ направлений, на одну изъ школъ философіи*, по моему, далеко отстоящую отъ истины и, по моему также, опровергнутую критикой, исходившей отъ представителей другихъ школъ. Конечно, обѣ исторіи этого опроверженія я распространяться не буду, ибо это значило бы затронуть всю исторію философіи 18 и 19 вѣковъ. Назову только самыя крупныя имена критиковъ Локка и Юма. Локкъ, по моему, былъ вполнѣ опровергнутъ Лейбницемъ, который въ сочиненіи, появившемся 50 лѣтъ послѣ его смерти, а именно: *Noûveaux Essais sur l'entendement humain* (написано въ 1704, изд. 1765 г.), разбирая Локка самымъ обстоятельнымъ образомъ, устранилъ его формулу и замѣнилъ своею: *nihil est in intellectu, quod prius non fuerit in sensu; nisi ipse intellectus*²⁾. Эта послѣдняя маленькая прибавочка радикально измѣняетъ все направление философіи Локка и обосновываетъ совершенно иную систему, въ разсмотрѣніе которой входитъ мнѣ теперь нѣть надобности³⁾. Между многочисленными критиками Юма самымъ крупнымъ является Кантъ, опровергавшій его теорію причинности. Считаю не безполезнымъ сказать также,

1) См. обѣ этомъ указанное выше мое сочиненіе, „Генезисъ теоріи пространства и времени Канта, гл. II-я“.

2) Нѣть ничего въ умѣ, чего прежде не было бы въ чувствѣ, за исключеніемъ самого ума.

3) Обѣ цей см. въ той же книжѣ: „Генезисъ и пр.“, гл. 3-я,

согласія съ нимъ. Все, что я чувствую въ этомъ отношеніи, есть не болѣе, какъ сильная склонность упорно смотрѣть на вещи съ той точки зрѣнія, съ которой они мнѣ представляются. Опытъ есть принципъ, который учитъ меня различнымъ соединеніямъ предметовъ въ прошедшемъ, а привычка есть другой принципъ, который побуждаетъ меня ожидать тѣхъ же соединеній въ будущемъ. Оба, действуя на мое воображеніе, заставляютъ меня образовать нѣкоторыя идеи живѣе и интенсивнѣе, чѣмъ другія, съ которыми не соединяется этого преимущества. Не будь этого свойства, по которому умъ нѣкоторыя идеи представляетъ живѣе, чѣмъ другія (что, по видимому, весьма не важно и весьма мало основано на разумѣ), то мы бы были бы совершенно не въ состояніи согласиться съ какимъ бы то ни было аргументомъ и перенести свой взоръ дальше небольшаго количества предметовъ, представляющихъ нашимъ чувствамъ. Но даже и этимъ самымъ предметамъ мы не могли бы приписать какое либо другое существование, кромѣ того, которое зависитъ отъ чувствъ. Мы должны бы были включить ихъ всецѣло въ ту послѣдовательность воспріятій, которая образуетъ наше я, или нашу личность. И даже еще болѣе, мы не могли бы допустить между членами этой послѣдовательности ничего, кромѣ воспріятій, непосредственно предстоящихъ нашему сознанію; живые образы, которые даетъ намъ память, никогда не могли бы быть приняты за истинныя изображенія прошедшихъ воспріятій. Слѣдовательно, память, чувства и умъ—все имѣтъ одно и тоже основаніе въ воображеніи, или въ живости нашихъ идей".

Вотъ, другое мѣсто, въ которомъ Юмъ высказываетъ умственное состояніе, которое можно счесть слѣдствіемъ его теоріи причинности.

„Умъ человѣческій ни зачѣмъ не слѣдить съ большимъ любопытствомъ, какъ за причинами явлений и притомъ, не довольствуясь знать ихъ непосредственные причины, мы идемъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ къ отдаленнѣйшему первоначалу. Мы хотимъ

не останавливаться до тѣхъ поръ, пока не откроемъ въ причинѣ ту энержію, посредствомъ которой она производить свой эффектъ, ту связь, которая соединяетъ эффектъ съ причиной, и то производящее свойство, отъ которого эта связь зависитъ: такова цѣль, преслѣдуемая нами въ нашихъ изслѣдованіяхъ и размышеніяхъ. И каково же наше разочарованіе, когда мы узнаемъ, что это соединеніе, эта связь, эта энержія находится только въ настѣ самихъ¹⁾ и суть ничто другое, какъ настроеніе духа, пріобрѣтаемое привычкою и заставляющее насъходить отъ одного предмета къ другому, который обыкновенно его сопровождаетъ, и отъ впечатлѣнія отъ одного предмета къ живой идеѣ другого. Такое открытие не только подсѣкаетъ въ корню всякую надежду получить когда либо удовлетвореніе, но даже уничтожаетъ самыя наши желанія, потому что въ то время, какъ мы желаемъ знать послѣднее и дѣятельное начало въ смыслѣ чего либо пребывающаго во внѣшнемъ предметѣ, мы находимся или въ противорѣчіи съ самимъ собою, или говоримъ, не придавая словамъ никакого значенія".

Выписывая еще послѣднее мѣсто, въ которомъ Юмъ выскаживаетъ состояніе духа, возникающее въ немъ вслѣдствіе полного сомнѣнія въ разумѣ и происходящаго отъ того отсутствія какой либо достовѣрности познанія.

1) Разумѣется, эти „мы сами“, или „настроенный духъ“ есть, по изложению Юма самимъ г. Лесевичемъ (стр. 18, ян.), „совокупность частныхъ качествъ, или, точнѣе, совокупность простыхъ представлений, соединяемыхъ воображеніемъ и получающихъ отдельное название, позволяющее намъ припомнить эту совокупность для себя или для другихъ“. Ну а эти „мы“, которые въ изложеніи г. Лесевича „имѣютъ, соединяютъ воображеніемъ, даютъ название и припоминаютъ совокупность“, эти кто и что такое, спрошу опять я!??? А это опять совокупность, которую еще *какие то* мы, еще *какъ то*, еще въ *что то* совокупляемъ и воображаемъ! И такъ, научная философія Юма погонитъ настѣ отъ однихъ „мы“ къ другимъ „мы“ черезъ третыи „мы“ и такъ далѣе безъ конца. Все „мы“, да „мы“, а никогда до какого нибудь подлиннаго я не дойдемъ.

„Напряженное сознание многочисленных противоречий и несовершенств человеческого разума такъ подействовало на меня и такъ возбудило мой мозгъ, что я готовъ отказаться отъ, какого бы то ни было, разсужденія и, какой бы то ни было, увѣренности и что я не могу признать ни одного мнѣнія болѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ, чѣмъ другое мнѣніе. Гдѣ я, и что я такое? Изъ какихъ причинъ возникло мое существованіе и въ какое положеніе я возвращусь? Чью благосклонность я долженъ искать и чьего гнѣва я долженъ бояться? Что за существа меня окружаютъ? И имѣю ли я на кого либо вліяніе, и имѣеть ли кто либо вліяніе на меня? Всѣ эти вопросы меня сокрушаютъ; я начинаю думать, что, окруженный самимъ густымъ мракомъ и лишенный употребленія моихъ членовъ и моихъ способностей, я поставленъ въ самое ужасное положеніе, которое только можно вообразить“¹⁾.

И такъ, въ концѣ концовъ, направлѣніе, начатое Локкомъ и установленное Юмомъ, не имѣть никакихъ правъ называется *специально научнымъ*, а есть *одно изъ* направлений философскихъ, которое вообще издавна большинство историковъ философіи совершенно вѣрно и справедливо, по моему, назвало *сенсуализмомъ*. Въ формѣ же юмовой философіи это направлѣніе, согласно характеристику его, сдѣланной самимъ Юмомъ, издавна и совершенно справедливо носить название *скептицизма*.

Теперь посмотримъ, что даютъ намъ другіе имена, приведенные г. Лесевичемъ въ качествѣ представителей якобы „научной“ философіи.

¹⁾ Всѣ эти мысли взяты мною изъ превосходного французского перевода сочиненій Юма, сдѣланного извѣстными философами Ренувье и Пиллономъ (Renouvier et Pillon): „Psychologie de Hume, Paris, 1878“ стр. 345 и слѣд. Я очень сожалѣю, что не могу выписать всей этой главы, составляющей заключеніе трактата Юма „О человѣческой природѣ“, такъ какъ она представляетъ краткую, но чрезвычайно сильную характеристику результатовъ всей его философіи.

Первое мѣсто послѣ Локка и Юма принадлежитъ, конечно, Д. С. Миллю и Бэну, которые суть современные наиболѣе известные и выдающіеся представители сенсуализма. Философію Милля можно считать вторымъ исправленнымъ и дополненнымъ, но не улучшеннымъ изданіемъ философіи Юма. Безстрашной юмовой послѣдовательности у Милля нѣть; напротивъ есть колебаніе въ сторону метафизики, которое я главнымъ образомъ вижу въ заимствованномъ Миллемъ у Платона понятіи матеріи, какъ возможности ощущенія, и внесенномъ въ систему Юма, очищенную отъ какихъ бы то ни было субстанцій. Эта, по видимому, невинная, „постоянная возможность ощущеній“, въ сущности вводить въ систему Юма изгнанную еще ранѣе Юма Берклиемъ материальную субстанцію, хотя, конечно, вводить тихомолкомъ, едва замѣтно, со всевозможными протестами противъ материализма и утвержденіями въ самомъ чистѣйшемъ феноменизмѣ или позитивизмѣ.

Гораздо яснѣѣ этотъ переходъ отъ Юма къ материализму можно отмѣтить у Бэна, который уже безъ особыхъ окличностей въ своей психологіи приводить въ полную зависимость отъ тѣла и отъ нервной системы наши психическія состоянія. Правда, въ своемъ сочиненіи: „О душѣ и тѣлѣ“, Бэнъ говоритъ о трудности отношеній и взаимодѣйствія непространственной души съ пространственнымъ тѣломъ. Но этотъ разговоръ оказывается у Бэна въ сущности пустыми фразами, потому что, при посредствѣ софистическихъ разсужденій о нервной силѣ, о соотношеніи и превращеніи силъ, онъ успѣваетъ соединять несоединимое и мыслить противорѣчивое, т. е. вліяніе дѣйствующаго въ пространствѣ материального тѣла на существующую въ пространства душу¹⁾.

¹⁾ Въ виду возможности спора и возраженій съ стороны г. Лесевича на мою статью, еще разъ долженъ предупредить читателя, что я здѣсь вовсе не имѣю въ виду критику Бэна, Милля и т. п., которая, можетъ быть, и будетъ сдѣлана мною на своемъ мѣстѣ. Настоящая цѣль моя заключается въ характеристицѣ статьи г. Лесевича, и только,

Значить, и у Бэна мы находимъ мостики, перекинутый въ метафизику, пожалуй, принимающую одинаково и духовную, и материальную субстанцію, но все таки, въ сущности, въ метафизику материалистическую.

Переходъ отъ философіи Юма, какъ и вообще отъ всякой скептической философіи къ метафизикѣ, естественъ и необходимъ, потому что человѣкъ, по выражению Шопенгауера, имѣеть „неискоренимую метафизическую потребность“. Но эта потребность не есть что либо чудесное, какое либо загадочное свойство человѣка, но составляетъ естественное слѣдствіе самой субстанціальной природы человѣка. Съ большою или меньшою ясностью, сознавая себя индивидуально и самостоятельно существующею субстанціею, онъ, конечно, не можетъ удовлетвориться міромъ прходящихъ явленій и ищетъ вѣчнаго бытія, неподлежащаго возникновенію и уничтоженію, т. е., того, что лежитъ въ основѣ явленій. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе ошибокъ и иллюзій, которымъ подлежитъ предста- вляющая и мыслящая дѣятельность человѣка, эти поиски легко обращаются на ложный путь къ материальнымъ вещамъ виѣшняго міра, вместо того, чтобы искать субстанціального бытія тамъ, где только и можно найти его, именно: въ себѣ самомъ, во внутреннемъ опыте своего бытія и дѣятельности. Отсюда необходимый переходъ изъ скептицизма въ метафизику можетъ произойти тремя путями: или въ дуалистическую метафизику, предполагающую и духовную, и материальную субстанцію, или въ ложную метафизику материалистическую, или же, по моему, въ основательнѣйшую метафизику, признающую исключительно существование духовныхъ субстанцій на разныхъ ступеняхъ совершенства. Конечно, и изъ философіи Юма есть возможность перехода и въ эту послѣднюю метафизику, стоитъ только предположить существование второго Берклия послѣ Юма, потому что, въ сущности, философія Юма есть ничто иное, какъ нѣсколько видоизмѣненная и разширенная философія Берклия. Берклий отвергнулъ, какъ иллюзію, материальную субстанцію, а Юмъ мысль Берклия, къ сожалѣнію, должно

приложилъ и къ духу.) Но въ силу сенсуализма, который входитъ въ философию Юма и который, какъ я уже указывалъ, состоитъ въ признаніи за первоначальное непосредственное сознаніе элементовъ только чувственного опыта, переходъ отъ скептицизма Юма въ метафизику долженъ былъ естественно оказаться въ направлениі не назадъ къ Берклею, а къ материалистической, а также и дуалистической метафизикѣ.

Какъ бы то ни было, Милль и Бэнъ представляютъ намъ съ одной стороны внесеніе въ философию Юма материалистическихъ тенденцій, а съ другой дальнѣйшее развитіе и болѣе подробную разработку началь Юма въ наукѣ о духѣ въ тѣсномъ смыслѣ, или въ психологіи. Въ этомъ отношеніи, какъ Милль, такъ и Бэнъ всѣми признаны самыми выдающимися представителями *ассоціаціонистской* психологіи, т. е. психологіи, видящей талъфу и омегу психической жизни въ законахъ механической ассоціаціи идей, чувствъ, движений и т. д. Итакъ, какъ Милль, такъ и Бэнъ не представляютъ ничегоособеннаго, ничего новаго и неизвѣстнаго и не даютъ никакого права г. Лесевичу выставлять ихъ какъ бы имъ открытый свѣтила. Теперь, посмотримъ, что намъ даютъ другіе имена. Остановимся немнога на Гексли и Маудсли. Ихъ, по моему, г. Лесевичъ новой Америки не открылъ. Оба эти ученые достойны всякаго уваженія по ихъ дѣятельности въихъ специальной наукѣ: Гексли въ біологіи, а Маудсли въ психіатріи. Затѣмъ достойно уваженія также и то, что эти специалисты не пренебрегаютъ философией и входятъ въ ея область съ свойственною имъ талантливостью, но это все, что мы можемъ сказать. Принимать ихъ фило-

⁽¹⁾ Замѣчательно, что, превознося Юма, всевозможные феноменисты, позитивисты и наши „научные“ совершенно игнорируютъ Берклей, между тѣмъ какъ онъ, по силѣ и энергіи философской мысли, не только не уступаетъ, но превосходитъ Юма, который во многихъ пунктахъ былъ только подражателемъ Берклея ишелъ по его стопамъ.

софскія возврѣнія, какъ нѣчто обязательное для всѣхъ и каждого, считать ихъ за авторитеты въ философіи и ставить ихъ на ряду не только съ Юмомъ и Локкомъ, но даже съ Миллемъ и Бэномъ, и не основательно, и не справедливо. Какъ бы ни были почтены ихъ экскурсіи въ область философіи, все таки они въ ней только дилетанты. Ихъ выборъ и симпатіи къ тому или другому философскому направлению обусловленъ не труднымъ изученіемъ философскихъ системъ съ цѣлью, путемъ ихъ сравненія и повѣрки одной другою, выбраться изъ лабиринта сомнѣній, возбуждаемыхъ ихъ борьбою и противорѣчіемъ другъ другу и наконецъ, признавъ, истину того или другаго направлія, уже вполнѣ и окончательно *примкнуть* къ нему,—а болѣе или менѣе случайною симпатію къ тому или другому философу. По спеціальностямъ, къ которымъ принадлежать Гексли и Маудсли, имъ всего родственнѣе материалистическая философія; они и дѣйствительно всего ближе къ ней. Но кромѣ того имъ нравится *ничто* и у другихъ философовъ и они ради этого нѣчто сочувствуютъ и ставятъ высою нѣкоторыхъ философовъ и, не заботясь о цѣльности системы, *дилетантски* соединяютъ материализмъ съ разнородными съ нимъ элементами. Такъ Гексли сочувствуетъ Юму, по скольку Юмъ отрекается отъ метафизики и думаетъ опираться на одинъ только чувственный опытъ. Но нравится ему также *натуръ-философія* и *фізіологія* Декарта по ея материалистическому характеру; и онъ превозноситъ Декарта „истиннымъ отцемъ современной науки“. Конечно, современная фізіологія не придается никакого значенія маленькой желѣзѣ (*glans pinealis*) въ мозгу, какое придавалъ ей Декартъ, какъ вмѣстилищу души, но все-таки, думаетъ Гексли, Декартъ своею локализаціею души *антиципировалъ* ученіе современной фізіологіи, по которому мыслящая субстанція не можетъ быть въ протяженной субстанціи и по которому мысль, какъ и движение, есть функція матеріи, распадающейся, по Гексли, на множество центровъ силъ, и именно функція сырого вещества мозга. Посредствомъ такого дилетантскаго односторонняго пониманія Декарта Гексли и соеди-

няеть несоединимое, т. е. одинаково превозносить научными философами и метафизика—субстанциалиста Декарта, и скептика Юма¹⁾. Точно тоже мы можемъ сказать и о Маудсли, который, какъ физиологъ и психіатръ, съ одной стороны смотритъ на душевныя явленія материалистически, какъ на слѣдствія состояній мозга и тѣла, а съ другой въ своей книгѣ: „Физіология и патология души“, заявляетъ удивленіе къ Спинозѣ и считаетъ себя его послѣдователемъ. Какъ это соединеніе материализма съ спинонізмомъ, по которому матерія никогда не можетъ дѣйствовать на духъ и играть роль причины въ его явленіяхъ, такъ и выходки противъ метафизики, тогда какъ Спиноза несомнѣнныи метафизикъ, достаточно указываютъ на *дилетантскій* характеръ философіи Маудсли.

Остальныя имена, приводимыя г. Лесевичемъ, какъ, напр., Мена, Лесли—Стивена, Селли, какъ ничего особенного не говорящія въ пользу якобы „научной“ философіи, мы оставимъ безъ всякаго разсмотрѣнія.

Итакъ, что же мы можемъ извлечь для характеристики научной философіи изъ именъ лицъ, которыхъ г. Лесевичъ считаетъ ея представителями?

1) Подъ названіемъ „научной философіи“ г. Лесевичъ разумѣеть не что либо новое, а очень давно существующее направление философіи, известное подъ наиболѣе приличествующими ему, именами сенсуализма и скептицизма.

2) Направленіе это есть ничто иное, какъ *видоизмъненіе*, на почвѣ европейской философіи, существовавшихъ еще въ древности направлений, известныхъ подъ именемъ софистики и скептицизма и явившихся до известной степени въ средневѣковомъ номинализмѣ.

3) Въ наиболѣе строгой и послѣдовательной своей формѣ,

1) См. статью о Декартѣ въ сборникѣ статей и рѣчей Гексли, озаглавленномъ въ французскомъ переводе: „Sermons laiques. Paris 1877.“ Вѣроятно, показанное г. Лесевичемъ на стр. 2 (февр.) сочиненіе Гексли есть немецкій переводъ того же сборника.

въ которой оно отвергаетъ какую бы то ни было метафизику или учение о послѣднихъ основаніяхъ бытія и познанія, оно является весьма рѣдко. Таковымъ оно было, напр., въ формѣ, данной ему Юомомъ. Всего же чаще оно является въ болѣе или менѣе прикрытомъ или же прикрываемомъ сочетаніи съ какою либо метафизикою, иногда даже не философскою, а религіозною, какъ то было, напр., у нѣкоторыхъ nominalistовъ или у Пьера Беilla. Въ послѣднее же время оно, при посредствѣ современныхъ естественныхъ наукъ, всего болѣе сочетается съ метафизикою материализма.

4) Хотя направлениe это заключаетъ въ себѣ не мало талантливыхъ представителей, а въ лицѣ Локка и Юма, напр., выдающихся мыслителей, по все таки оно, по моему мнѣнію, въ существѣ должно, и, если приносить пользу философіи, то преимущественно *отрицательнымъ и косвеннымъ путемъ*. Его заслуга передъ философіей заключается въ постоянной критикѣ метафизическихъ системъ, критикѣ, изгоняющей изъ метафизики продукты свойственной человѣку, по его несовершенству, склонности удовлетворяться неполной истиной и впадать въ догматической застой, успокаиваясь на традиционной философіи. Подъ вліяніемъ скептической критики метафизическая мысль постоянно обновляется и прогрессируетъ, стараясь все полнѣе и совершиеннѣе выработать, *вполнѣ свободное отъ противорѣчій, міросозерцаніе, твердые формулы и ясное выраженіе для метафизическаго ученія о послѣднихъ основаніяхъ бытія и знанія*. Кромѣ того въ этомъ направлениi есть дѣятели, въ родѣ, напр., Милля и Бэна, оказавшіе услуги психологіи, на сколько психологія есть *положительная и эмпірическая наука о явленіяхъ духа, а не метафизическое учение о послѣднихъ основаніяхъ духовныхъ явленій, т. е., о духовной субстанціи*.

5) Направлениe это ни подъ какимъ видомъ *не можетъ претендовать на общепризнанность*, не говорю уже, на европейскомъ материализѣ, но даже въ самой Англіи, гдѣ большинство занимающихся философіею лица признаютъ метафизику и примыкаютъ къ тому или другому метафизическому воззрѣнію. Но, такъ какъ боль-

шинство не есть критерій въ решеніи вопросовъ, касающихся науки, то, какъ всѣмъ метафизическимъ направленіямъ, такъ несомнѣнно и сенсуализму съ скептицизмомъ слѣдуетъ, защищая свою истину и опровергая другія направленія, помнить правило: *lis sub judice est*¹⁾, и никакимъ образомъ не позволять себѣ разыгрывать триумфатора, торжествующаго далеко еще не выигранную побѣду. Поэтому, исполненная претензій *кличка „научной философіи“*, которую даютъ г. Лесевичъ и нѣкоторые другіе англійскому позитивизму, невольно напоминаетъ возгласы московскихъ краснорядцевъ, зазывающихъ покупателя: „къ намъ пожалуйте, у насъ самые лучшіе, настоящіе заграничные товары.“

Но, можетъ быть, кто нибудь мнѣ скажетъ: если направленіе, основанное Локкомъ и Юмомъ, и не есть что либо новое, открытое г. Лесевичемъ, а также не есть что либо общепризнанное и неподлежащее спору, то всетаки г. Лесевичъ можетъ гордиться тѣмъ, что онъ *первый въ Россіи* указалъ на это особое направленіе философіи. Къ сожалѣнію, и это совершенно невѣрно. Если кому первому принадлежитъ честь *насажденія и распространенія* этого направленія въ Россіи, то это никакъ не г. Лесевичу, а несомнѣнно г. Троицкому, который уже въ 1867 г. выпустилъ сочиненіе весьма обширное и довольно обстоятельное, по скольку оно касается англійского сенсуализма, скептицизма и ассоціанизма²⁾, основаныхъ Локкомъ и Юмомъ, а именно: „Нѣмецкая Психологія и пр. Москва, 1867 г.“ Г. Троицкій былъ не только первымъ проповѣдникомъ у насъ англійского позитивизма въ качествѣ историка, но проводилъ его и въ своихъ самостоятельныхъ сочиненіяхъ, какъ, напр., въ „Наукѣ о духѣ“, въ „Логикѣ“³⁾. Но и кромѣ г. Тро-

¹⁾ Споръ подлежитъ судѣ, т. е., не оконченъ.

²⁾ Но нисколько не обстоятельное, по скольку оно касается нѣмецкой философіи.

³⁾ Сочиненіе г. Троицкаго: „Наука о духѣ“, было разобрано въ моей статьѣ, помещенной въ той же „Русской Мысли“ 1882 г.

ицкаго есть другой дѣятель въ русской литературѣ, г. Боборыкинъ, который раньше г. Лесевича тоже потрудился въ пользу того же направлениія переводомъ французскаго сочиненія Рибо: „Современная англійская психологія“, гдѣ авторъ, хотя съ односторонней оцѣнкой, но весьма обстоятельно излагаетъ Милля, Бэна и другихъ дѣятелей англійскаго позитивизма и ассоціанизма.

Теперь мнѣ остается для *полноты характеристики* статьи г. Лесевича указать еще на нѣкоторыя ея стороны. Я уже указывалъ на блестки *остроумія*, которыми разукрашена его статья. Теперь укажу еще на два другихъ украшенія ея, а именно: *мичуринскую прогрессивность* и *фейерверкъ учености*.

На двухъ неполныхъ страницахъ: 16 и 17 (янв.), г. Лесевичъ выпискою изъ „Мемуаровъ“ Милля, конечно, безъ какихъ бы то ни было доказательствъ, голословно *внушиаетъ* читателю, что его „научная философія“ прогрессивна, а что напротивъ, „интуитивная метафизика враждебна прогрессу“ и составляетъ „главный камень преткновенія прогресса человѣчества.“ Теорій прогресса, какъ известно, много, а такъ какъ не обозначено, какую теорію прогресса разумѣеть г. Лесевичъ съ Миллемъ, то и слова о „враждебности интуитивной метафизики прогрессу“ не имѣютъ никакого смысла. Далѣе, какъ какъ мetaфизическихъ ученій также не мало и между ними несомнѣнно есть такія, которые враждебны не только прогрессу, но и, какому бы то ни было, *здравому смыслу* и *чувству*, то опять таки обвиненіе г. Лесевича интуитивной метафизики вообще не имѣть ни малѣйшаго значенія, ибо не могутъ же однѣ теоріи отвѣтить за другія, потому только, что онъ подводятся подъ общее понятіе метафизическихъ теорій. Въ такомъ случаѣ честный человѣкъ отвѣталъ бы за преступника на томъ основаніи, что они оба люди. Позволю себѣ предложить г. Лесевичу выйти изъ области пустыхъ фразъ къ дѣлу и попытаться доказать, что метафизическія системы *выдающихся философовъ*, какъ напр. Платона, Аристотеля, Эпиктета или Марка Аврелия, Плотина изъ древнихъ; или Джіордано Бруно, Декарта,

Спинозы, Лейбница, Канта и другихъ въ новое время— „враждебны прогрессу и составляютъ для него камень преткновенія. „Разумѣется, при этомъ должны быть приняты во вниманіе собственныя теоріи прогресса названныхъ философовъ, ибо не могутъ же они служить чужимъ теоріямъ.

Напротивъ, по самому существу своему и по своимъ принципамъ, скорѣе всего можетъ быть враждебна прогрессу, если только она захочетъ быть посмѣдователной, философія Юма. Понятіе прогресса совершенно не мыслимо безъ признанія возможности какъ либо образовать понятіе объ идеальной *цѣли*, къ которой стремится цѣлый *мировой процессъ*, или, по крайней мѣрѣ, *природа человеческая*, въ силу ея основныхъ свойствъ. Но какой прогрессъ можетъ быть признаваемъ философіею, которая отвергаетъ, по существу, и понятіе міра, и понятіе міроваго процесса и идеальныя цѣли?! Даѣте, кто будетъ стремиться къ осуществленію цѣлей прогресса, если нѣть вовсе никакихъ субстанцій и существъ, если люди, или столь часто употребляемые излюбленною философіею „мы“, суть не существа, а какіе то „совокупности, соединяемыя воображеніемъ“, значки, „названія для припоминанія“ какихъ-то фактовъ—и больше ничего. Если я вѣрно понимаю выписку, которую дѣлаетъ г. Лесевичъ изъ Милля¹⁾, то интуитив-

¹⁾ Вотъ эта запутанная выписка цѣликомъ. „Практический реформаторъ,—разсуждаетъ Милль,—не перестаетъ требовать такихъ измѣненій, которыя опирались бы на могущественныя и сильно распространенные чувства; онъ никогда не отступится отъ требованія, чтобы установленный порядокъ, представляясь необходимымъ и неприкосновеннымъ, былъ бы такимъ на самомъ дѣлѣ, и ему часто приходится вводить въ свою аргументацію поясненія какъ происхожденія этихъ могущественныхъ чувствъ, такъ и хода образованія возврѣній, приведшихъ къ убѣждению въ необходимости и неприкосновенности данного порядка вещей. Изъ этого видно, что между такимъ реформаторомъ и философіею, которая не желаетъ объяснить чувствованій и нравственныхъ явлений вообще— обстоятельствами и ассоціаціей идей, а предпочитаетъ раз-

ная метафизика“ будто-бы потому „враждебна прогрессу“, что она „чувствованія и нравственные явленія вообще“ объясняетъ не „обстоятельствами и ассоціаціей ідей“, а рассматриваетъ ихъ, какъ „первичные элементы человѣческой природы“. Или, иначе говоря, эта антипрогрессивная метафизика вмѣсто того, чтобы бороться и уничтожать „чувствованія и нравственные явленія“, вытекающія „изъ обстоятельствъ и ассоціаціи ідей“ и мѣшающія осуществлению прогресса, объясняетъ ихъ „первичными элементами человѣческой природы“ и на этомъ основаніи дозволяетъ имъ безпрепятственно царить по прежнему. Хотя и остается неяснымъ какія это „чувствованія и нравственные явленія“, но положимъ, что интуитивная метафизика виновата, и затѣмъ спросимъ, какъ можетъ побороться и побѣдить такія мѣшающія прогрессу чувствованія и нравственные явленія человѣкъ, проникнутый „научной философіей“. При этомъ, конечно, допустимъ, что, какимъ-бы то ни было чудомъ, этотъ человѣкъ¹⁾ призналь прогрессъ и его требованія и возьмѣть желаніе бороться за прогрессъ. Мне кажется, что приводить въ исполненіе такое желаніе онъ могъ бы только, или, выбросивши изъ головы *принципы „научной философіи“*, или же въ состояніи безумія. Вѣдь, та же самая „научная философія“ устами и самаго основателя ея Юма, и устами вѣрной его копіи, т. е. Милля, прощовѣдуетъ, что *ассоціація ідей* имѣеть такое же значеніе *въ мірѣ психическомъ*, какое имѣеть *притяже-*

сматривать ихъ какъ первичные элементы человѣческой природы, неизбѣжна естественная вражда. Такой реформаторъ становится лицомъ къ лицу съ философіей, которая считаетъ долгомъ выдавать свои любимыя доктрины за откровенія науки (интуиціи) и усматриваетъ въ этомъ науки голосъ природы или высшей силы, высказывающейся съ авторитетомъ, имѣющимъ для нашего разума рѣшающее значеніе и т. д.“ Такъ какъ у меня нѣтъ, къ сожалѣнію, подъ рукою „Мемуаровъ“ то я не могу рѣшить, падаетъ ли грѣхъ неясности на самого Милля, или на его переводчика, т. е., г. Лесевича.

¹⁾ т. е. „соединяемая воображеніемъ совокупность.“

ніє матерії въ мірѣ фізическомъ. Значить, устранить какіе либо продукты законовъ, управляющихъ ассоціаціей ідей невозможно, а пытаться на это также безумно, какъ безумно пробовать устраивать эффекти законовъ, управляющихъ взаимнымъ тяготѣніемъ материальныхъ тѣлъ. Какъ бы печально и непріятно ни было въ какомъ либо отношеніи, что по этимъ законамъ всякая вещь на земной поверхности падаетъ къ центру земли, но все таки никто ратовать противъ этого явленія и противодѣйствовать ему не станетъ, а примирится съ нимъ и постарается какъ либо приладиться къ нему. Точно также, если какія либо чувства и нравственныя явленія возникли вслѣдствіе всемогущихъ законовъ ассоціації ідей, то откуда возьмемъ „мы“ (т. е. не разъ упомянутая „совокупность“) силу противодѣйствовать и устраниять эти чувства и нравственныя явленія?! Конечно, по философіи Юма, взять этой силы не откуда и придется сложить руки и ждать, пока „чувства и нравственныя явленія“, сложившіяся вслѣдствіе одной случайной ассоціації, не уступятъ мѣста какимъ либо другимъ чувствамъ и нравственнымъ явленіямъ, имѣющимъ сложиться вслѣдствіе другой, случайно явившейся, ассоціаціи...

Но можетъ быть читатель уже достаточно разсмотрѣлъ миштуру, которую г. Лесевичъ выдаетъ за чистое золото и серебро прогрессивности научной философії?! Если такъ, то я позволю себѣ указать ему на новое зрѣлище—на фейерверкъ учености, гдѣ г. Лесевичъ осыпаетъ своихъ читателей такимъ количествомъ *названий* книгъ и *именъ* писателей, что читатели легко могутъ быть ослѣплены этимъ фейерверкомъ. Но, конечно, это можетъ случиться съ неопытными писателями, (а ихъ большинство), незнающими, что въ наше прогрессивное время *чрезвычайно легко*, при посредствѣ и общихъ, и особенно специальныхъ журналовъ, не только понасобирать неисчислимыхъ массы этихъ именъ авторовъ и заглавій сочиненій, но даже сказать иѣчто и о содержаніи ихъ, не заглядывая ни въ одно. Такой неопытный читатель легко можетъ подумать, что г. Лесевичъ такъ далеко *проникъ* въ самую

бездну передовой и новейшей премудрости и такъ преисполненъ научнѣшою ерудиціей, что ему вполнѣ естественно и законно съ презрѣніемъ смотрѣть на жалкихъ „метафизиковъ“, тянувшихъ старую „сказку о бѣломъ бычкѣ“, на основаніи отрапанныхъ стародавнихъ книгъ и сочиненій.

Но, къ сожалѣнію, такой читатель будетъ введенъ въ заблужденіе *бенгальскими огнями*, которые онъ ошибочно приметъ за свѣтъ настоящей ученой эрудиціи и основательности. Несомнѣнно эта ученая основательность требуетъ самыхъ подробныхъ указаний на источники, изслѣдованія или сочиненія, на основаніи которыхъ ученымъ признаются какіе либо *факты* или принимаются тѣ или другіе *взгляды* и *мнѣнія*. Точно также вполнѣ необходимы и цитаты или указанія на сочиненія, гдѣ находятся *приводимыя слова* или мнѣнія какихъ либо авторитетныхъ лицъ, писателей и т. п. Но совершенно не нужны для доказательства или уясненія дѣла, ничего и никому не говорящіе, списки книгъ или авторовъ, которые встрѣчаются у г. Лесевича. Другой цѣли, кроме засоренія глазъ читателя дешевою ученостью, такие списки имѣть не могутъ. Приведу примѣры и образчики.

На страницѣ 12 и слѣдующихъ (январь) г. Лесевичъ совершенно справедливо настаиваетъ, что Милля нельзѧ считать позитивистомъ въ смыслѣ Конта или ученикомъ Конта и что, если онъ кое что и заимствовалъ у него, то заимствовалъ немногого и съ разными оговорками, но что, въ главномъ и существенномъ, слѣдя за Юмомъ, онъ былъ вполнѣ самостоятельнымъ относительно Конта. Во время этого разсужденія г. Лесевичъ совершенно всколыхъ (стр. 15) говоритъ, что хотя современная критика и находить въ трудахъ Милля недостатки, но все-таки Милль, по мнѣнію г. Лесевича, сдѣлалъ „массу цѣнныхъ вкладовъ“ въ научную философію. Къ этой всколыхъ сказанной мысли г. Лесевичъ вдругъ въ примѣчаніи присоединяетъ списокъ¹⁾ статей и книгъ,

¹⁾ Списокъ этотъ помѣщенъ въ примѣчаніи подъ двумя звѣздочками на стр. 15 и 16.

касающихся Милля. Что хотѣлъ этимъ спискомъ сказать г. Лесевичъ, зачѣмъ нуженъ этотъ списокъ, что онъ доказываетъ? Обозначены ли въ сочиненіяхъ этого списка недостатки Милля, разбираются ли и опровергаются его идеи и положенія или же оправдываются? ничего не сказано. Пусть де читатель разыскиваетъ и решаетъ это, какъ знаетъ. А между тѣмъ иному подозрительному читателю именно и интересно знать, ужъ не опровергается ли въ этихъ сочиненіяхъ какъ разъ та „масса цѣнныхъ вкладовъ“, о которыхъ говоритъ г. Лесевичъ и изъ которыхъ онъ малую толику привелъ въ своей статьѣ въ назиданіе „мистикамъ и метафизикамъ“. Но г. Лесевичъ ничего не сдѣлалъ для удовлетворенія любопытства подозрительного читателя. Списокъ приведенъ безъ малѣйшихъ объясненій.

Теперь возьмемъ другой образчикъ.

Во многихъ мѣстахъ (напр., стр. 6, 9 и др.). г. Лесевичъ внушаетъ читателю, что будто бы „метафизики, мистики и химеросозидатели“ знаютъ, какъ позитивистовъ, только Конта и его послѣдователей и ратуютъ только противъ нихъ, забывая, что существуетъ въ Англіи, начиная съ Локка и Юма, множество позитивистовъ болѣе чистой воды и высшей пробы, которымъ Конть, такъ сказать, и въ подметки не годится¹⁾. Конечно, обвиненіе метафизиковъ, что будто бы они смѣшиваютъ позитивизмъ Конта съ позитивизмомъ Юма, Милля и пр., совершенно голословно иничѣмъ не подкреплено. Правда на стр. 6-й и 14-й г. Лесевичъ внушаетъ, что будто бы г. Лопатинъ повиненъ въ этомъ смѣшніи, но решительноничѣмъ этого не доказываетъ.

Но, какъ бы то ни было, г. Лесевичъ съ свойственной ему энергіей началъ сокрушительный походъ противъ заблуждающихъ

¹⁾ Въ настоящее время г. Лесевичъ начинаетъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ высшаго англійскаго позитивизма, относиться, по моему, нѣсколько свысока къ Конту, чѣмъ напоминаетъ старую исторію человѣческой неблагодарности къ первымъ воспитателямъ и руководителямъ.

метафизиковъ, доказывая, что „контовская вѣтвь позитивизма за-
чахла и заглохла“, а что, напротивъ, „разросся позитивизмъ англійскій, который въ Европѣ никто не смѣшиваетъ съ первымъ.“ Далѣе г. Лесевичъ доказалъ, что Милль отрещивается отъ смѣ-
шения его съ Контомъ (стр. 12, 13 и 14 янв.) и что онъ счи-
тается представителями научнаго позитивизма своего отца и Бэна.
Потомъ г. Лесевичъ указываетъ, что даже Льюисъ, столь долго
бывшій приверженцемъ Кonta, освободился отъ его вліянія, что
наконецъ Гексли отрицалъ всякую „научную стоимость“ въ пози-
тивизмъ Konta (стр. 1 и 2 февр.), а что другой англійскій пози-
тивистъ, Менъ, называется „смѣшеніе англійскаго позитивизма съ
системой Ог. Konta не только ошибкою, но дерзостью“ (стр. 7
февр.). Казалось бы, послѣ всѣхъ этихъ указаній и доказательствъ
того, что англійскій позитивизмъ и позитивизмъ Konta двѣ вещи
совершенно разныя, г. Лесевичъ могъ смѣло успокоиться на лав-
рахъ и предоставить отечественнымъ „сокрушителямъ позитивизма
и реставраторамъ химеръ“ воевать съ мертвымъ тѣломъ контов-
скаго позитивизма. Но не тутъ то было! Къ крайнему удивленію,
онъ опять начинаетъ, уже по истинѣ, ту же „сказку о бѣломъ
бычкѣ“. Спросивъ иронически, ужъ не боятся ли эти „сокруши-
тели“, что „контовскій позитивизмъ гдѣ нибудь да проявляется и
преуспѣваетъ“, г. Лесевичъ вторгается съ своими поисками... Куда
бы вы думали? Въ Португалію!! Оказывается, что тамъ есть не
мало приверженцевъ контовскаго позитивизма; и г. Лесевичъ, по
обычаю, приводитъ списокъ ихъ именъ и сочиненій (стр. 9 февр.)
Затѣмъ онъ переходитъ въ Испанію, на философской биржѣ которой
съ контовскимъ позитивизмомъ оказывается слабо. Далѣе слѣдуетъ
Италія, гдѣ уже превозмогъ настоящій, научный позитивизмъ, гдѣ
предпочитаются „метэмпірику Льюиса“. Разумѣется вездѣ приве-
дены г. Лесевичемъ имена ученыхъ и заглавія сочиненій.—Далѣе,
въ Германіи контовскій позитивизмъ, по г. Лесевичу, не могъ цу-
стить корней, потому что у нѣмцевъ и своихъ философовъ много,
а въ числѣ ихъ они имѣютъ Канта, позитивизмъ котораго въ

„Критикъ чистаго разума“ болѣе высокой пробы, чѣмъ позитивизмъ Канта¹⁾.

Для меня остается совершенно непонятнымъ, зачѣмъ г. Лесевичъ, задача котораго состояла въ объясненіи русскимъ читателямъ понятія, принциповъ и дѣлъ „научной философіи“, вмѣсто выполненія этой задачи безъ конца трепалъ вопросъ объ успѣхахъ и неудачахъ кантовскаго позитивизма въ разныхъ странахъ Европы. Не только съ точки зрѣнія цѣлей статьи г. Лесевича, но и вообще кому изъ русскихъ читателей можетъ быть какой либо интересъ и надобность въ именахъ и фамиліяхъ авторовъ и въ заглавіяхъ напечатанныхъ ими книгъ и статей за или противъ Канта въ Португаліи, Испаніи и Италії? Счастье для читателей г. Лесевича, что онъ, вѣроятно, не знаетъ румынского, ново-греческого

¹⁾ Совершенно справедливо на стр. 12 и 13 мнѣніе г. Лесевича, что послѣ Канта стало невозможнымъ обойти принципъ Канта, „ставящій теорію познанія въ основу всякой философіи“, но невѣрно то, что г. Лесевичъ ставить постановку этого принципа какимъ-то специальнымъ дѣломъ Канта. Заслуга Канта состоитъ только въ томъ, что онъ современному ему сенсуализму, скептицизму и психологизму Локка и Юма съ одной стороны, а съ другой догматизму вольфіанцевъ напомнилъ, хотя и въ оригиналной формѣ, этотъ старый принципъ всѣхъ выдающихся представителей философіи. Можемъ-ли мы и какъ можемъ познать существующее? Этотъ основной вопросъ и его решеніе мы находимъ и у Платона, и у Аристотеля, и у Джордано布鲁но, и у Декарта, и у Лейбница, однимъ словомъ, у всѣхъ болѣе замѣчательныхъ философовъ.—Но другое мнѣніе г. Лесевича (стр. 13), что „кантову теорію въ послѣднее десятилѣтіе многіе нѣмецкіе мыслители преодолѣли окончательно“, я буду считать голословнымъ утвержденіемъ, пока г. Лесевичъ не объяснитъ обстоятельно, какую теорію, кто и какъ преодолѣлъ.—Вообще позволю себѣ указать на ту же мою книгу: „Генезисъ теоріи пространства и времени у Канта“, гдѣ высказано мое мнѣніе и о значеніи кантовой теоріи познанія.

ческаго и турецкаго языковъ¹⁾). Иначе онъ угостиль бы ихъ именами и списками и на этихъ языкахъ, потому что, вѣроятно, и тамъ уже (*tout, comme chez nous*) завелся и позитивизмъ низшаго класса, т. е., контовскій, а можетъ быть, и позитивизмъ высшаго класса, т. е., „научный“. Грѣшный человѣкъ! въ этихъ ни кому не нужныхъ экскурсіяхъ г. Лесевича я вижу только одинъ фейерверкъ!

Теперь я могу закончить свою статью. Въ ней я желалъ:

1) разоблачить инсинуацію г. Лесевича относительно моей литературной дѣятельности; 2) показать, что название „научной“, прилагаемое имъ къ той философіи, которой онъ слѣдуетъ, отзыается рекламнымъ характеромъ, и что никакой общепризнанной научной философіи нѣтъ. Прилагаетъ же г. Лесевичъ это название *къ одному изъ* философскихъ направлений, по моему мнѣнію, менѣе всѣхъ имѣющему право претендовать на исключительную истину.

Но конечно, я ничего не имѣю противъ того, чтобы это направленіе оставало себя и тѣмъ менѣе противъ того, чтобы г. Лесевичъ, если оно ему кажется состоятельнѣйшимъ, принадлежалъ къ нему и защищалъ его всѣми находящимися въ его рас-

¹⁾ Но да не подумаетъ кто либо, что я не цѣню у г. Лесевича его знанія разныхъ европейскихъ языковъ. Напротивъ, отдаю въ этомъ ему полную справедливость и желаю, чтобы это знаніе онъ утилизировалъ и для философіи, не ради приведенія разныхъ ненужныхъ памъ имѣть авторовъ и сочиненій въ неизвѣстныхъ европейскихъ литературахъ, но для открытія тамъ и сообщенія какой нибудь оригиналной философской мысли, или даже цѣлой системы, что вполнѣ возможно, не смотря на низшій обще-научный уровень этихъ странъ въ сравненіи съ передовыми странами Европы,—Англіей, Франціей и Германіей.

пораженіи средствами. Но однако защита эта должна не нарушать требованій справедливости и происходить въ формахъ, присущихъ *серезной и добросовѣстной борьбы мыслию и словомъ.*

На сколько я достигъ своей цѣли обѣ этомъ уже судить не мій, а читателю.

А. Козловъ,